

Десять дней — от пятого числа первого лунного месяца до пятнадцатого — пролетели как один миг. Сюэсу и Чуян ещё могли перевести дух, но для Минцзя и Сы Вэя это время превратилось в сплошную безумную гонку.

Далеко не всякий талант, будучи явлен толпе, способен с первого мгновения заворожить и ослепить.

Танец или пение — дело другое. Им не нужны ни сложные декорации, ни особые ухищрения: даже без праздничных нарядов мастеру достаточно просто выйти к людям, чтобы сорвать рукоплескания. Чуть проще с музыкой: будь то лютя-пи́па, гусли-цинъ или изящная арфа-кунхоу, инструмент в умелых руках всегда спасёт положение на любой импровизированной сцене.

Однако существуют искусства тонкие, скрытые. Они не бьют по глазам и ушам первобытным восторгом красок и звуков. Для их восприятия мало одной лишь природной тяги к прекрасному — зрителю требуется вкус, возвращённый годами учения, и благородное происхождение. Речь шла о каллиграфии Минцзя.

В эпоху, когда грамотой владел в лучшем случае один человек из десяти, а остальные гнули спины на пашнях да пропадали за ткацкими станками, изящная письменность казалась простым людям чем-то бесконечно далёким. Для крестьян уезда Цзю грамотей, способный прочесть указ уездной управы или разобрать договор со скупщиком шёлка, уже почитался за важную птицу в округе.

Кто же в таком случае мог позволить себе тратить драгоценную тушь на усладу взора и ценить красоту линий? Лишь те, кто с детства не знал нужды, водил дружбу с книгами и развил в себе утончённый вкус ценителя.

Сы Вэй понял это ещё тогда, когда впервые увидел свитки Минцзя. Как бы безупречно ни ложилась тушь под её кистью, на Празднике прогулочных лодок каллиграфия сама по себе осталась бы лишь красивой вывеской, ярлыком «учёной девы» для привлечения искушённых гостей.

Искусство может быть сколь угодно возвышенным, но народное гулянье не терпит заумной сухости. Когда перед тобой пёстрая толпа, чей уровень образования колеблется от полного невежества до затаённого снобизма, классическое письмо не удержит внимание зрителей. Оно не могло стать стержнем представления.

Потому перед Сы Вэем встала сложнейшая задача: превратить уединённое таинство каллиграфии в эффектное, захватывающее зрелище.

Сы Вэй стоял на палубе двухъярусной ладьи. На берегу озера Цинпин раскинулось море огней. Мальчик глубоко вдохнул колючий зимний воздух и медленно выдохнул — изо рта его вырвалось облачко густого пара, быстро растаявшее в темноте.

Пятнадцатый день первого месяца, праздник Шаньюань, знаменовал собой завершение новогодних гуляний.

Простой люд уезда Цзю целыми семьями потянулся в город на храмовую ярмарку. В эту ночь ни столица, ни пограничные заставы не знали сна. Разница была лишь в том, что столичные и пограничные ворота на ночь запирались наглухо, тогда как здесь, в провинции, веселье бурлило без удержки.

Сы Вэй наблюдал за суетой на побережье. Торговцы катили тележки, тащили на коромыслах корзины, предлагая гуляющим бумажные фонарики, шёлковые цветы и всевозможную снедь. Местная знать и богачи, желая избежать толкотни в уездном центре, устремились к озеру Цинпин, чтобы провести эту ночь на разукрашенных судах.

Для береговых зазывал и торговцев гости праздника были золотой жилой. Будь то девицы из весёлых кварталов, служители борделей, богатые молодые господа или сопровождающие их лакеи — никто не скупился на медь. Обычный печёный батат здесь уходил на пару монет дороже, чем на городских улицах, и никто не думал торговаться. Более того, городские трактиры прислали своих поваров, обустроив прямо на берегу временные кухни под навесами. У каждой такой палатки красовалась вывеска. Стоило гостям на какой-нибудь ладье пожелать изысканное блюдо, как служитель борделя с серебром и лаковым судочком тут же отправлялся на берег.

Повсюду зажигались огни. На прилавках горели свечи, над навесами покачивались фонари. Шум, гам и сияние береговой полосы, казалось, затмевали само озеро, где во тьме скользили праздничные суда.

Сы Вэй так глубоко ушёл в свои мысли, что вздрогнул, когда кто-то несильно хлопнул его по плечу.

— Чего это ты забился в угол и мёрзнешь тут в одиночку? — раздался за спиной характерный, чуть ленивый голосок Сюэсу.

Обернувшись, Сы Вэй увидел её, Чуян и Минцзя. Все трое кутались в тёплые накидки на лисьем меху, прижимая к груди медные ручные грелки с горячей водой.

Он вздохнул. Пальцы его невольно дрогнули — он с тоской вспомнил о сигаретах из прошлой жизни. Он не был заядлым курильщиком, но в минуты крайнего напряжения затяжка никотина приносила хоть какое-то облегчение. Сейчас, за неимением лучшего, он вытащил из поясного мешочка сладкую соломинку, обсыпанную кунжутом, сунул её в рот и принялся грызть, чтобы унять дрожь.

— Боюсь я, — честно признался он, переводя взгляд на пришвартованную неподалёку мачтовую шхуну без парусов. — А вы, выходит, ни капли не трусите? Как поднимемся на эту верхотуру... Я ведь не могу ручаться, что эти самодельные блоки и тросы выдержат. Случись хоть малейшая оплошность — и полетите в воду.

Вид Сы Вэя с торчащей изо рта соломинкой показался Сюэсу забавным. Она без лишних церемоний запустила руку в его мешочек со сладостями, выудила пригоршню кунжутных палочек и поделилась с подругами.

— Мне-то чего бояться? Я наверх не полезу, — хрустя карамелью, усмехнулась Сюэсу. — А вот Чуян сама себе беду нажила, полезла в петлю ради забавы.

Чуян, в чьих глубоких глазах угадывалась примесь чужеземной крови, сделавшая черты её лица непривычно резкими, захлопала ресницами. Сы Вэй велел украсить её веки сверкающей слюдяной пудрой, отчего её огромные глаза при свете фонарей мерцали, как у лесного духа.

— Кому же не хочется хоть раз взлететь к самым облакам? — невинно отозвалась она.

Минцзя отказалась от сладостей. Плотнее прижав к себе грелку, она вздохнула:

— В воду упасть не страшно. Я боюсь только, что движения в воздухе выйдут неловкими и некрасивыми.

Сюэсу картинно закатила глаза:

— Твои прыжки больше похожи на цирковые трюки, чем на пристойный танец! Да и потом, ты тренировалась по сто раз на дню. Если и теперь ничего не выйдет, то ради чего ты покрыла всё тело синяками?

Сы Вэй слушал их и диву давался. Оказывается, у них были совершенно разные поводы для страха. Сам он пёлся о безопасности конструкции, а артистки — исключительно о красоте полёта.

— Ладно, — прервал он их болтовню. — Пан или пропал, всё решится сегодня. На улице мороз, нечего вам тут мёрзнуть. Возвращайтесь в тепло. Особенно ты, Минцзя. Разотри ноги как следует. Не хватало ещё, чтобы от холода и страха у тебя судорога началась прямо в воздухе.

Сюэсу уже догрызала вторую палочку.

— Спроси её сам, — фыркнула она, кивая на притихшую каллиграфистку. — В каюте она места себе не находила. То сядет, то встанет, руки-ноги ходуном ходят от страха.

Минцзя грустно улыбнулась. Куда-то исчезла та уверенная, величественная осанка, с которой она обычно держала кисть над листом рисовой бумаги.

— Это ведь совсем не то, что я умею... — тихо произнесла она.

Чуян ласково потрепала её по макушке:

— Ничего. Вот возмёшь в руку кисть — и весь страх пройдёт.

В этот момент над тёмной гладью озера Цинпин разнёсся глубокий, протяжный звон колоколов и нефритовых пластин.

Все четверо разом обернулись.

На одной из огромных расписных ладей в центре озера начали загораться огни. Сначала вспыхнула палуба, затем — открытая терраса второго яруса, а следом из окон потянулись цепочки ярких фонарей. Судно медленно заскользило к середине водоёма. Под донёсшиеся снизу звуки флейт и барабанов на верхней палубе возникли очертания танцующих фигур.

Сюэсу шагнула к самому краю палубы и крепко сжала деревянные поручни.

— Началось, — негромко произнесла она, и её обычно нежный голос прозвучал на удивление глухо.

Праздник прогулочных лодок никогда не открывали артистки Башни Весенней реки.

— Это люди из Башни Сбора Звёзд... — прошептала Чуян, всматриваясь во вспыхнувшую ладью соперниц. В её глазах отражались блики воды и далёкие огни. — Матушка Чуньян хотела придержать меня ещё на пару лет, чтобы я набралась опыта и укрепила имя перед тем, как дебютировать на этом празднике. Но в прошлом году девки из Башни Сбора Звёзд затмили всех и украли нашу славу.

Заметив недоумение на лицах Минцзя и Сы Вэя, Сюэсу тихо пояснила правила этой негласной войны:

— На этот праздник уездный начальник всегда приглашает самых знатных и влиятельных людей округа. Тот, кто сумеет занять первое место на Празднике прогулочных лодок, мгновенно становится знаменитостью во всём уезде Цзю. О нашей победе станут судачить заезжие купцы и столичные повесы, слава разлетится повсюду... А для заведения это верный знак: торговцы живым товаром в первую очередь будут предлагать лучших сирот нашей Башне Весенней реки.

Она сделала паузу и посмотрела холодно, почти отрешённо.

— Да и для тех из нас, кто со временем отцветёт и не найдёт покровителя, готового выкупить их из статуса подлого люда, это шанс. Если их перекупят другие заведения, к ним хотя бы отнесутся с уважением. В крайнем случае они смогут остаться здесь наставницами и обучать молодых девочек. Матушка Фэн каждый год тратит безумные деньги на приглашение

столичных учителей, так что опытные мастерицы всегда в цене.

— Везде приходится бороться за своё место под солнцем, — бесстрастно согласилась Чуян. — Обычные девицы бьются за серебро и благосклонность господ, а наше заведение — за влияние и будущее тех, кто в нём живёт. Из-за прошлогоднего поражения нам в этот раз не доверили ни открывать вечер, ни закрывать его.

Минцзя промолчала, заворожённо глядя на залитую светом палубу соперниц, где кружились почти неразличимые издали силуэты.

Сы Вэй приподнялся на цыпочки и легонько хлопнул Сюэсу по плечу:

— Пусть мы не закрываем праздник, но, если мне не изменяет память, матушка Чуньян говорила, что сразу после открытия наступает твой черёд?

Сюэсу удивлённо моргнула. Не успела она вставить и слова, как Сы Вэй начал настойчиво подталкивать её в сторону каюты:

— Иди, иди скорее! Обещаю, когда ты выйдешь на сцену, тебя ждёт сюрприз.

— Да какой ещё сюрприз? — Сюэсу приложила ладонь к его лбу, сравнивая его рост со своим, и шутливо фыркнула. — Всё же расписано по минутам за неделю до праздника! Сама дойду, не толкайся... И чего ты паникуешь? По правилам, мы не можем начать, пока на ладье Башни Сбора Звёзд не погаснут огни. Это случится ещё не скоро!

Сы Вэй лишь упрямо сопел. Если он продолжит изводить себя переживаниями в таком возрасте, то просто перестанет расти.

Уж лучше подготовиться заранее и закончить с этим кошмаром как можно быстрее, чем стоять на палубе и слушать чужие причитания. От их разговоров его собственная тревога только разрасталась, грозя превратиться в панику. На живых выступлениях всегда происходят непредвиденные накладки, а цена ошибки сегодня была слишком высока. Малейший сбой в программе — и всё их грандиозное представление полетит в тартарары.

Поэтому — никаких пустых разговоров. Всем пора заняться делом!